

КАТЕГОРИЯ «СОВЕСТЬ» В ПРАВОСЛАВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПСИХОЛОГИИ

М. Н. МИРОНОВА

В сциентистской психологии, которая является мощной конституирующей силой современного общества, вообще нет такой категории, как «совесть». Но многие авторы ставят вопрос о возможности и необходимости возвращения в нее этой базовой нравственной категории. Для перевода в психологию тех знаний о совести, которые содержатся в христианской антропологии, мы предлагаем воспользоваться выводами, сделанными в результате анализа христианских источников, и моделью, выстроенной автором на страницах книги «К сближению психологии и христианской антропологии: трактат об умной силе души и доминанте».

Совесть — это голос Бога, звучащий в сердце человека, об этом сообщают все христианские источники, об этом пишут практически все авторы. Совесть «посеяна» в сердце человека Богом для того, чтобы он мог различать добро и зло, в этом заключается ее духовная сущность. По словам свт. Иоанна Златоуста: «Бог, вначале созидавая человека, даровал ему естественный закон. Что есть естественный закон? Бог запечатлел в нас совесть и познание добра и зла сделал врожденным. Нам не нужно учиться, что блуд есть зло, а целомудрие добро; мы знаем это от начала... Познание добра и зла нам врожденно... данная нам совесть внушает все это»¹. Современный автор С. А. Герасимов считает, что в сциентистской психологии это понятие малоизвестно и только в последнее время к нему стали обращаться и пытаться раскрыть его содержание². А основатель нравственной психологии Б. С. Братусь даже с горечью замечает, что такого понятия, как совесть, в психологии нет, потому что «...внутреннее убеждение (а часто стойкое предубеждение) требует от психолога держаться настороже и подальше от нравственных императивов и рассуждений»³. Тем не менее, многие авторы ставят вопрос о возможности и необходимости возвращения в психологию этой базовой нравственной категории.

¹ Цит. по: Стефан Кашменский, прот. Святоотеческое учение о душе. Пермь, 2002. С. 106.

² Герасимов С. А. Совесть как феномен духа // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 3. С. 100.

³ Братусь Б. С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом. М., 1997. С. 78.

В православно-ориентированной психологии совесть должна не только иметь право присутствовать, но и занять свое достойное место как одна из основных категорий. Чтобы иметь возможность раскрыть ее содержание, прежде всего соотнесем ее, насколько это возможно, с какой-либо из близких категорий психологии. Например, православный психолог А. Лоргус указывает на то, что совесть по своей природе родственна сознанию: «И то, и другое есть плоды духа. “Совесть” и “сознание” близки и по этимологии терминов: “со-весть” означает советоваться с самим собой, или “со-ведать», т. е. “со-знавать” — “сознание”. В греческом языке эти два понятия происходят от одного термина, что одновременно может означать и совесть, и сознание»⁴. Ю. М. Зенько, анализируя богословские работы, указывает, что совесть относится к сознанию вообще, как вид относится к роду⁵. Используя современную научную терминологию, уточним, что совесть — это *атрибут сферы сознания*.

Выдающийся психолог В. Франкл⁶ характеризовал *совесть как орган смысла*, позволяющий в любой ситуации уловить истинный смысл. А св. Отцы, такие как св. Григорий Синаит и авва Дорофей, называли совесть *помыслом*: «Когда Бог сотворил человека, то Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе, и что злое: сие называется совестью, а она есть естественный закон. Последуя сему закону, то есть совести, патриархи и все святые прежде написанного закона угодили Богу»⁷. С понятием «помысел» («помысл») мы постоянно сталкиваемся в святоотеческих текстах, поэтому необходимо дать ему психологический перевод.

Св. Григорий Синаит учит, что невозможно сделать что-либо доброе или худое, предварительно не приложив и не возбудив помысла. То есть с помыслом он связывает процесс побуждения к деятельности. В психологии же известно, что побуждение к деятельности невозможно, во-первых, без участия источника побуждения (потребностей и личностных ценностей), во-вторых, без мотива. Мотив (в традиционной психологии деятельности) — это смысловая структура; это то, ради чего человек действует. А. Н. Леонтьев говорил: «Каков мотив, таков и смысл». В современной психологии смысла говорят о том, что связи мотива с потребностями имеют смысловую природу; функция побуждения мотива неотделима от его содержательно-смысловой характеристики и смыслообразующей функции. Смыслообразующая функция мотива проявляет себя в порождении смысловых структур, осуществляющих регуляцию протекания деятельности⁸. Таким образом, мотив рассматривается не только как структурный элемент деятельности, но и как элемент смысловой сферы сознания.

Кроме указанных выше потребностей, ценностей и мотивов, к смысловым структурам еще относятся: смысловые отношения, личностные и жизненные смыслы, общие смысловые устремления, смысловые установки, смысловые

⁴ Андрей Лоргус, *свящ.* Православная антропология. М., 2003. С. 164.

⁵ Зенько Ю. М. Основы христианской антропологии и психологии. СПб., 2007. С. 560–561.

⁶ Цит. по: Леонтьев Д. А. Психология смысла. М., 2003. С. 426.

⁷ Прп. авва Дорофей. Душеполезные поучения. М., 2007. С. 75–76.

⁸ Леонтьев. Указ. соч. С. 198–204.

конструкты, диспозиции, динамические смысловые системы, идеалы⁹. По совпадению функций — побуждения к деятельности — можно предположить аналогию между святоотеческим понятием «помысел» и психологическим понятием «смысловая структура». Кроме того, в исихастской¹⁰ антропологии помыслом называется неприметная, едва уловимая энергия, «начаток энергии, энергия-начинание»¹¹. Следовательно, психологический термин «смысл» и исихастский термин «энергия» равнозначны, так как обозначенные ими феномены выполняют одну и ту же функцию активаторов действия.

Теперь, когда мы уже знаем, что помысел — это смысловая структура, смысл, а св. Отцы называли совесть помыслом, мы сможем, вернувшись к тому, что совесть, по мысли современных авторов, связана с сознанием, сформулировать точнее. Совесть — это *структура смысловой сферы сознания (орган смысла), позволяющая в любой ситуации улавливать истинный смысл и на его основе осуществлять нравственную регуляцию жизнедеятельности*.

Напомним, что в психологии функцией смысловых образований является создание образа будущего, перспективы развития личности, которая не вытекает прямо из наличной, сегодняшней ситуации; целостные системы смысловых образований задают не сами по себе конкретные мотивы, а плоскость отношений между ними, т. е. первоначальный план, эскиз будущего, который должен предсуществовать его реальному воплощению¹².

У совести также есть функция создания образа возможного будущего, характеризующая ее как смысловую структуру, о чем мы узнаем из следующего пояснения: «Лишь только замыслит человек совершить что-либо дурное, сейчас же является на свой пост совесть, предостерегая его и угрожая ему»¹³. На эту же функцию указывает современный исследователь феномена совести: она «...основана на предвосхищении должного, открытии того, что и как должно быть, но чего еще нет, и поэтому она проявляет себя прежде, чем человек совершает что-либо, помогая тем самым не допустить недолжных поступков»¹⁴. Естественный закон — совесть — дана Богом для того, чтобы создавать образ будущего как для каждого человека, так и для всего человечества. Это также указывает на смысловую сущность совести.

Естественный закон должен был переживаться человеком как идеал, к которому необходимо стремиться в жизни. Такой идеал в психологии смысла можно назвать наиболее близким понятием — «модель должного» (понятие предложено Д. А. Леонтьевым). Модель должного в психологии смысла — один из аспектов смысла жизни, который принимается к реализации в жизнедеятельности человека¹⁵. По-другому: можно говорить о том, что Бог дал людям генеральный

⁹ Леонтьев. Указ. соч. С. 167–232.

¹⁰ Исихазм (от греч. «покой», «безмолвие») — аскетическое учение свт. Григория Паламы о пути к единению человека с Богом.

¹¹ Сержантов П. Б. Исихастская антропология. М., 2010. С. 69, 88.

¹² Братусь. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.

¹³ Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное издание. М., 1992. Т. 2. С. 2087.

¹⁴ Герасимов. Указ. соч. С. 100.

¹⁵ Леонтьев. Указ. соч. С. 227, 247.

смысл жизни. Такая интерпретация будет соответствовать взглядам религиозных философов, в частности С. Л. Франка¹⁶, или современных богословов, например А. И. Осипова¹⁷, о смысле жизни: сам человек своими усилиями не может сотворить смысл, это иллюзия, основанная на гордыне. Стараясь использовать психологические термины там, где это возможно, мы говорим о том, что *Творец дал человеку идеальную смысловую модель должного, генеральный смысл жизни — совесть.*

Для дальнейшего сопоставительного анализа нам полезно будет узнать, что слова «совесть» в Ветхом завете нет, если же в нем подразумевалось то, что в современной речи мы именуем как «совесть», то взамен употреблялось слово «сердце»¹⁸. Возможно, последнее обстоятельство раскроет перед нами какие-то новые грани в психологическом описании совести. Естественно, что речь пойдет не о телесном сердце — мускульном мешке, а об ином сердце — душевном органе.

Термин «сердце» в Библии встречается 583 раза, что говорит о чрезвычайной важности этого понятия. Сердце в Св. Писании и Предании наделяется самыми разнообразными качествами, оно наполняется различным содержанием и описывается всяческими образами, снабжается огромным количеством прилагательных, выполняет самые разнообразные функции.

По словам Макария Египетского, «само сердце есть малый сосуд... там также и Бог, там ангелы, там жизнь и царство, там свет и апостолы, там сокровища благодати, там есть все...»¹⁹. Определение сердца как сосуда говорит о том, что сердце — некое хранилище. Разворачивая далее эту мысль, приведем еще и сведения из Св. Писания о том, что сердце — это такая часть души человека, куда Бог записал Свои Законы, поэтому его часто называют скрижалями, на которых Бог пишет свои послания: *Вы — наше письмо, написанное в сердцах наших... написанное не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца* (2 Кор 3. 2–4). Следовательно, сердце должно обладать памятью, чтобы сохранить «написанное», «вложенное» в него.

Если сердце — это средоточие записанных и хранящихся Божественных Законов жизни человека, то эта запись сделана не иначе как в смысловой форме. Потому что, переходя на язык Максима Исповедника, человек получил от Бога «маленькие» λόγοι Единого Божественного Логоса, которые определяют все бытие, деятельность и судьбу человека²⁰. Таким образом, мы можем утверждать, что *сердце — это одно из смысловых образований сознания, содержащее («хранящее») в себе совесть.*

Есть еще один аспект, касающийся сердца как места, в котором пребывает совесть. Он связан с *главствующим положением* сердца, а значит и всего, что в нем находится, в том числе и *совести*. «Сердце — это владычественный ор-

¹⁶ Франк С. Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 68–131.

¹⁷ Осипов А. И. Православное понимание смысла жизни. Киев, 2001. С. 4–17.

¹⁸ Зенько. Указ. соч. С. 560–561.

¹⁹ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы, послания и слова. М., 1998. С. 280.

²⁰ Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996. С. 72–73.

ган, престол благодати», — говорит св. Григорий Нисский²¹. Сердце есть «...внутреннее чувство души, составляющее корень и центр нашей духовной жизни»²². «Сердце — внутреннейший человек, или дух, где самосознание, совесть, идея о Боге с чувством зависимости от Него всесторонней, вся духовная жизнь вечноценная»²³. Из этого следует, что совесть, которую мы уже определили как смысл (помысел), — это одна из смысловых структур, составляющих сердце; как принадлежащая сердцу, *совесть должна являться центральной и главенствующей духовной смысловой структурой*.

Крайне интересно для нашей темы и то, что определение Макарием Египетским сердца как сосуда, где «есть все» с перечислением таких феноменов и существ, как ангелы, царствие Божие, скорее всего, указывает на то, что *в сердце остался смысловой след человеческой истории*, начинающийся в раю. Ведь современное человечество лишено прямого контакта с Царствием Божиим: далеко не каждый человек, а только великий святой в качестве дара может получить возможность сообщения с ним; но первому человеку это было доступно естественным образом, безо всяких усилий. Человек в раю был целостным, поэтому можно думать, что регуляция жизни исходила из единого центра. Следовательно, превращение модели должного в конкретные формы жизнедеятельности происходило у первородного Адама в сердце.

В других представлениях следствие райского этапа жизни человека можно выразить следующим образом: в сердце хранятся те самые идеальные смыслы, связанные с Богом и раем до грехопадения, которые составляли идеальную модель должного; вероятно, именно их Дионисий Ареопагит называл «образцами», «предопределениями»²⁴. Они определяют все бытие человека, его деятельность и судьбу²⁵, они составляют «корень», «сокровище» сердца, *посеянное в сердце его* (см. Мф 13. 19). В учении Максима Исповедника об идеях человека, являющихся отображением Божественных логосов, в числе таковых назван и λόγος благобытия, намечающий нормы деятельности²⁶. То есть в смысловой сфере сознания человека есть смысл, который суть отражение Божественного, изначально призванный служить эталоном для нравственной регуляции жизнедеятельности. Возможно, что логос благобытия человека — это и есть совесть, только в другой интерпретации.

Логос благобытия, по Максиму Исповеднику, намечает нормы деятельности человека соответственно целям промысла и суда, а из другого источника мы узнаем, что: «...по действиям или отправлениям совести различают законодательную и судящую»²⁷. И если законодательную совесть мы понимаем как Законы Бога, то о совести судящей сообщается следующее: «А после совершения дурного дела совесть немедленно карает и мучит его. Не напрасно говорят, что не человек вла-

²¹ Цит. по: *Иерофей (Влахос), митр.* Православная психотерапия. М., 2004. С. 108.

²² *Свт. Феофан Затворник.* Собрание писем. Вып. V. М., 1994. С. 165.

²³ *Свт. Феофан Затворник.* Толкование первых восьми глав послания св. апостола Павла к Римлянам. 2-е изд. М., 1890. С. 97.

²⁴ *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 74.

²⁵ *Епифанович.* Указ. соч. С. 72–73.

²⁶ Там же.

²⁷ Полный Православный богословский энциклопедический словарь... С. 2087.

деет совестью, а совесть владеет человеком». Или: «Преимущественно говорится в Священном писании о совести судящей. Так, Адам после грехопадения, Каин после братоубийства, братья Иосифа после мщения невинному испытывают терзания в душе своей. Во Второй книге царств говорится о разбитом сердце, то есть об осудившей совести. В Псалмах Давидовых не один раз изображается подобное состояние человека. В Новом Завете говорится о книжниках и фарисеях, приведших к Господу Спасителю грешницу, что они начали уходить один за другим, обличаемые совестью. В посланиях апостолов Петра и Павла, в которых содержится наиболее мест, относящихся к совести, также говорится о совести судящей»²⁸. О судящей функции совести пишет свт. Игнатий: «Умертвить совесть — невозможно. Она будет сопровождать человека до страшного суда Христа: там обличит ослушника своего»²⁹. Поэтому в христианской традиции есть представления о том, что со своей совестью, как со строгим судьей, необходимо как можно скорее мириться. Многие святые, в том числе и святитель Игнатий, и авва Дорофей, подразумевали в словах Евангелия о сопернике совесть: *Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье* (Мф 5. 25). Совесть — соперник, потому что противится всякому противозаконному начинанию человека и постоянно напоминает ему о его обязанностях³⁰. Совесть — обличитель, об этом же говорят и стихи известного современного поэта:

Ведь у тех, кто у кривды на страже,
Кто давно потерял свою честь,
Если нету и совести даже —
Муки совести вроде бы есть.

Е. А. Евтушенко, 1996

Или еще о судящей функции совести: «Совесть свидетельствует о богоподобии человека. С совестью нельзя вступить в компромисс, в сделку — совесть неподкупна. Нет человеку необходимости в рассуждениях, совесть говорит непосредственно»³¹.

По представлениям цитируемых выше св. Отцов, совесть (как законодательная, так и судящая) изначально, по творению, была придана первородному человеку для того, чтобы он мог совершенно естественным образом делать добро и удаляться от зла. То есть совесть — *исторически первая смысловая структура*, следовательно, это то, что *наследуется всеми без исключения людьми*, так как все они являются потомками Адама и Евы. Совесть наследуется не только православными, но и инославными, атеистами, об этом прямо говорится в Писании: *Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их* (Рим 2. 14–15). В этом смысле факт

²⁸ Полный Православный богословский энциклопедический словарь... С. 2086–2087.

²⁹ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. М.: Паломник. Т. 1. 2001. С. 342.

³⁰ Прп. авва Дорофей. Указ. соч. С. 76–77.

³¹ Полный Православный богословский энциклопедический словарь... С. 2087.

существования совести определяется категорией естественного и не зависит от воспитания, культурной принадлежности, уровня образования, исторической эпохи. Именно потому, что *совесть есть у всех*, возможно покаяние самого закоренелого грешника.

Попробуем теперь суммировать то, что мы узнали о совести: она является *первой структурой смыслового уровня сознания, называемого в христианской антропологии сердцем (первым и по библейски-историческому времени и по значению), моделью должного, которая должна была осуществлять нравственную регуляцию деятельности в начале человеческой истории, как она представлена в Библии. Совесть есть у всех без исключения людей.*

Следующий важный для нас тезис — *нравственная регуляция исказилась после грехопадения человека*. В словах преподобного аввы Дорофея мы находим полное подтверждение этому: «...когда люди, через грехопадение, зарыли и попрали ее (совесть), тогда сделался нужен закон написанный, стали нужны святые пророки, нужно сделалось самое пришествие Владыки нашего Иисуса Христа, чтобы открыть и воздвигнуть ее (совесть), чтобы засыпанную оную искру снова возжечь хранением святых Его заповедей. Ныне же в нашей власти или опять засыпать ее, или дать ей светиться в нас и просвещать нас, если будем повиноваться ей. Ибо когда совесть наша говорит нам сделать что-либо, а мы пренебрегаем сим, и когда она снова говорит, а мы не делаем, но продолжаем попирасть ее, тогда мы засыпаем ее, и она не может уже явственно говорить нам от тяготы, лежащей на ней, но как светильник, сияющий за завесою, начинает показывать нам вещи темнее. И как в воде, помутившейся от многого ила, никто не может узнать лица своего, так и мы, по преступлении, не понимаем, что говорит нам совесть наша, так что нам кажется, будто ее вовсе нет у нас. Однако нет человека, не имеющего совести, ибо она есть, как мы уже сказали, нечто Божественное и никогда не погибнет, но всегда напоминает нам полезное, а мы не ощущаем сего, потому что... пренебрегаем ею и попираем ее»³².

Из христианской антропологии известно, что весь человек по падении распался, потерял былую целостность, сердце, а с ним и совесть откололись от других его частей. Сердце, которое до грехопадения для хранения «вложенного» в него Богом обладало «единой и простой памятью», после грехопадения изменилось. Память разделилась, превратилась из простой в сложную, из «единовидной» в «разнообразную» и «через сие потеряла и Божию память», т. е. перестала быть обращена к Богу³³. Все это послужило причиной того, что после грехопадения *нравственная регуляция стала осуществляться не совестью, а органом, известным в христианской антропологии как ум*. Это не интеллект, не рассудок, а смысловая сфера сознания³⁴, имеющая по представлениям Б. С. Братуся, сложное — уровневое — строение, названное им «смысловая вертикаль». На каждом из смысло-

³² Прп. авва Дорофей. Указ. соч. С. 75–76.

³³ Св. Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах, угрозах и обетованиях, — еще же — о помыслах, страстях и добродетели, — и еще — о безмолвии и молитве // Добротолюбие. М., 1992. Т. 5. С. 190.

³⁴ Миронова М. Н. К сближению психологии и христианской антропологии: трактат об умной силе души и доминанте. Калуга, 2013. С. 151–177.

вых уровней свои устремления и ценности, свой ответ на вопрос «в чем смысл жизни?», «ради чего (кого) я это делаю?». Уровни приведены по восходящей. Первый — *предличностный уровень*. Здесь нет личного отношения к окружающим людям, нет ответа на вопрос «ради чего?», у человека нет отношения к выполняемым действиям, он действует автоматически, подобен роботу. Человек, не имеющий отношения, не имеет и «своего лица» в человеческом взаимодействии. Потом идет *эгоцентрический уровень*. Здесь смысловыми устремлениями являются личная выгода, удобство, успех, престижность, все остальные люди ставятся в зависимость от этих отношений. Далее — *группоцентрический уровень*, на котором человек идентифицирует себя с (малой) группой, главным становится успех, удобство, выгода группы, отношения к другому человеку зависят от них, человек ориентирован на моральные нормы группы. На следующем — *просоциальном (гуманистическом) уровне* — происходит идентификация с большой группой, обществом, человечеством в целом; здесь присутствует смысловая, личностная направленность человека на создание таких результатов, которые принесут равные блага лично ему и незнакомым людям, обществу, человечеству в целом; принцип самооценности здесь становится всеобщим, за каждым человеком подразумевается равенство прав, свобод и обязанностей. Высший — *духовный уровень*. На нем определяются субъективные отношения человека с Богом, появляется его личное отношение к конечным вопросам и смыслам жизни, другой человек воспринимается как носитель образа Божия. Все уровни существуют в потенции, в возможности, но последовательно, в процессе жизни они «присваиваются» (по терминологии Б. С. Братуся) в действительность.

Описанное уровневое строение смысловой вертикали — ума — соответствует уже приведенным здесь словам св. Григория Синаита о том, что память Божия, под которой подразумевается естественный закон различения добра и зла или генеральный смысл жизни, после грехопадения разделилась, превратилась из простой в сложную, из «единовидной» в «разнообразную».

Без участия совести нравственная регуляция, осуществляемая смысловой сферой сознания (умом), качественно уступает той, которая осуществляется совестью, что подтверждают слова святителя Игнатия: «Это чувство (совесть) яснее различает добро от зла, нежели ум. Труднее обольстить совесть, нежели ум. И с обольщенным умом, подкрепляемым грехолюбивою волею, долго борется совесть»³⁵. Борьба за свое право участия в различении добра и зла совести приходится потому, что она оказалась как бы изолированной от «остальной» смысловой сферы. И если не предпринимать специальные меры, о которых будет сказано далее, регулирование так и будет продолжаться осуществляться не сердцем, а только смысловыми структурами ума. Поэтому смысловая регуляция у современного человека искажена, извращены смыслы, словно звуки расстроенного пианино, которое нужно было бы настроить, но нет камертона — инструмента, которым поверяется высота звучания музыкальных инструментов и голоса.

Можно привести и более современную аналогию с компьютером, устройство и работа которого до некоторой степени похожа на работу сознания. В нем есть свой эталон — это задающий генератор тактовой частоты общей шины,

³⁵ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова... С. 341.

расположенный на материнской плате. Если он поврежден, то вся работа компьютера будет расстроена; причем компьютер, в принципе, может продолжать работать, но с ошибками и сбоями. То же относится и к сознанию: *эталон для него является идеальная смысловая модель должного, находящегося в сердце, — совесть*. Этим эталоном должны поверяться смысловые структуры ума: «...наша совесть называется законом ума нашего»³⁶. Но в обычной (нижеестественной) реальности он почти никогда не принимает участия в нормировании деятельности, поэтому вся работа смысловой сферы расстроена. Из теории «смысловой вертикали» в психологии известно, что чем выше смысловой уровень смысловой сферы, тем более развита нравственная регуляция жизнедеятельности (такой уровень, как просоциальный, обеспечивает «золотое правило» этики: поступай с другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой)³⁷. Но такого совершенства в различении добра и зла, какое было раньше, когда главенствовала совесть, смысловая сфера, неверяемая этим эталоном, уже достичь не может. А иногда моральный закон полностью идет вразрез с требованиями совести. Поэтому и призывали великие святые не к соблюдению моральных норм, а к хранению совести: «Храни совесть по отношению к Богу: исполняй все повеления Божии, как видимые всем, так и никому не видимые, видимые и ведомые только одному Богу и твоей совести»³⁸.

Как учит авва Дорофей, хранение совести многозначно, ибо человек должен сохранять ее в отношении к Богу, к ближнему и к вещам. К примеру: «В отношении к Богу хранит совесть тот, кто не пренебрегает Его заповедями, и даже в том, чего не видят люди и чего никто не требует от нас, он хранит совесть свою к Богу в тайне ...хранение совести в отношении к ближнему требует, чтобы не делать отнюдь ничего такого, что, как мы знаем, оскорбляет или соблазняет ближнего делом, или словом, или видом, или взором, ибо и видом ...даже и взором можно оскорбить брата. Короче сказать, человек не должен делать ничего такого, о чем знает, что он делает это с намерением оскорбить ближнего: сим оскверняется совесть его, сознавая, что это сделано с тем, чтобы повредить брату или опечалить его — и сие-то значит хранить свою совесть в отношении к ближнему»³⁹. А хранение совести в отношении к вещам заключается не только в бережном к ним отношении, но, прежде всего, в довольствовании малым, в отсутствии зависти к тем людям, которые имеют больше вещей или лучшего качества. И свт. Игнатий разъясняет, что значит хранить совесть «...со всевозможным вниманием и тщанием»: «Острие совести очень нежно; его надо хранить и хранить. Хранится оно, когда человек исполняет все требования совести, а нарушение какого-либо требования, по немощи или увлечению, омывает слезами покаяния. Не думай ни о каком грехе, что он маловажен: всякий грех есть нарушение закона Божия, противодействие воле Божией, попрание совести... Храни совесть по отношению к ближнему: не довольствуйся одною благовидностью твоего поведения... Храни совесть к вещам, удаляясь излишеств, роскоши, небрежения, помня, что

³⁶ Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 2007. С. 415.

³⁷ Братусь. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994. С. 8.

³⁸ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова... С. 343.

³⁹ Прп. авва Дорофей. Указ. соч. С. 79–80.

все вещи, которыми мы пользуемся... дары Божии человеку. Храни совесть к самому себе. Не забывай, что ты — образ и подобие Бога, что ты обязан представить этот образ в чистоте и святости Самому Богу»⁴⁰.

Итак, *совесть предшествует смыслам и ценностям, принадлежащим смысловой сфере сознания современного человека (уму в христианской антропологии), составляющим основу морали и выполняющим функцию нравственной регуляции. Являясь идеальной, данной Богом, совесть более верно различает добро и зло, она судит точнее морально-нравственных законов, задаваемых смыслами и ценностями «остальной» смысловой сферы сознания.*

Вновь повторим, что совесть есть у всех, но в современной реальности *она скрыта, глубоко погребена в сердце, и ее участие в нравственной регуляции крайне затруднено*; по словам аввы Дорофея⁴¹, это те кладези, которые, как толкуют св. Отцы, искапывал Исаак, а филистимляне засыпали (см. Быт 26. 18). С этой точки зрения термин «интуиция совести», введенный А. А. Ухтомским⁴², является очень точным.

Сегодня голос совести ослаб или вовсе не слышен, поэтому в реальности, как правило, нравственная регуляция осуществляется без ее участия: «Острие ее (совести) притупляется, свет ее тускнеет; в душе разливаются хлад и мрак небрежения. Нечувствие соделывается наконец обыкновенным состоянием души. Часто бывает она удовлетворенная им; часто признает его состоянием, угодным Богу, спокойствием совести, а оно — утрата ощущения своей греховности, утрата ощущения благодатной духовной жизни, усыпление и слепота совести. При таком состоянии, при страшном омрачении и нечувствии, различные грехи свободно входят в душу, устраивают в ней логовище для себя... Человек не замечает того, а он неприметным образом окован отовсюду грехом, в плену у него, в рабстве»⁴³. Происходит это, «...потому что всякая принятая неправильная мысль имеет влияние на совесть: уклоняет ее от правильного действия. Потемняют, притупляют, заглушают, усыпляют совесть — произвольные согрешения. Всякий грех, не очищенный покаянием, оставляет вредное впечатление на совесть. Постоянная и произвольная греховная жизнь как бы умерщвляет ее»⁴⁴. Потому-то апостол Павел в Послании к коринфянам говорит о немощной или заблуждающейся совести, о совести идолов, т. е. совести, признающей идолов за действительные силы»⁴⁵. Кроме того, совесть бывает мнительной, оглушенной, больной, сожженной, умирающей и, наконец, умершей, а человека с такой совестью называют «бессовестный». Последнее не означает, что у него нет совести, но то, что он или не слышит голоса совести, или попирает его. А раз так, то *можно говорить о состоянии совести, о степени потемнения, или, наоборот, просветления совести, которая зависит от того, очищается ли она покаянием, стремится ли человек жить «по совести».*

⁴⁰ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова... С. 342–343.

⁴¹ *Прп. авва Дорофей*. Указ. соч. С. 75.

⁴² Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 364.

⁴³ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова... С. 343.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Полный Православный богословский энциклопедический словарь... С. 2090.

Сказанное обращает внимание на еще одну причину снижения качества нравственной регуляции после грехопадения. Она связана с появлением в хранилищах сердца, предназначенных для Законов, вложенных Богом, «логовища грехов». Приведенный выше отрывок из творений Макария Египетского о сердце как малом сосуде заканчивается так: «... но там есть змии, там есть львы, там есть ядоносные звери, там все сокровища порока, там пути негладкие и стропотные, там пропасти... есть там рабочая храмина дел правды и неправды, есть там смерть, есть там и жизнь»⁴⁶. Из чего следует, что в сердце остается память о делах человека, то есть опыт греха («рабочая храмина дел правды и неправды», «пути негладкие и стропотные», «все сокровища порока» и пр.). Все перечисленное — это дела человеческие; в самом деле, Бог не мог вложить в сердца людей ни путей неправедных, ни дел неправды. Причем метафизическое измерение приведенного выше описания наводит на мысль о том, что в сердце может храниться не только индивидуальный опыт каждого, но и исторический опыт всего человечества.

Этому тезису есть подтверждение в психологии, где существуют теории, описывающие, как устроено то, что мы назвали «хранилище человеческого опыта». Здесь известно не только о существовании памяти познания мира, но и о памяти отношения с миром, смысловой памяти⁴⁷, к которой относят так называемые «схематизмы»: «интродекты» (З. Фрейд), «сценарии» (Э. Берн), «комплексы» и «архетипы коллективного бессознательного» (К. Г. Юнг). Схематизмы не порождают новых смыслов, но они как бы «искривляют пространство», в котором протекают смысловые процессы, создают «иную логику», которая становится потенциальной схемой, определяющей развитие смысловых связей. А раз подобные схематизмы искажают действительность, св. Отцы давали этому феномену крайне негативную оценку (конечно, не называя их научными терминами).

Искажения смыслового пространства сознания у людей, не живущих религиозной жизнью, есть результат осуществления смысловой сферой регуляторной функции без проверки ее эталоном, идеальной моделью должного; такая смысловая регуляция — это оркестр, который играет на расстроенных инструментах и по искаженным нотным записям.

Для того чтобы нравственная регуляция вновь поверялась совестью, необходимо очищение сердца, в котором «находится» совесть, от наслоений смыслов грехопадения, под которыми и погребена она, и от тех искажений, которые появились в жизни вследствие того, что человек отступал от требований совести. Необходима и перестройка всей смысловой сферы, с тем чтобы совесть вновь стала «владычественной». Когда совесть, наконец, получает власть, она корректирует все искажения. Вот как об этом писал св. Ефрем Сирин: «Совесть благосознательна. Она берет душу на свое попечение... Она сотаинница покаянию и спешит очистить душу. Совесть... производит озабоченность. Желает привести ум в познание и знает, что впоследствии будет ей послушен. Ей известно естественное с ним сродство, потому что сама воспитала его. Ей известна благопо-

⁴⁶ *Прп. Макарий Египетский*. Указ. соч. С. 280.

⁴⁷ *Леонтьев*. Указ. соч. С. 257.

корность души, потому что, как всадник, правит ею. Она хочет, чтобы принято было покаяние; желает, чтобы утвердилось в грешниках»⁴⁸.

Условием полного восстановления нравственной регуляции деятельности с помощью совести является трезвая православная жизнь, участие в Таинствах Церкви. Мы находим подтверждение этому у святителя Игнатия: «Здоровое состояние и правильное действие совести возможно только в недре Православной Церкви»⁴⁹.

Связано ли состояние совести с состоянием ума? Ведь если совесть есть у всех и ее состояние, прежде всего, зависит от очищения сердца и его хранения, то правильно ли будет утверждать, что развитие смысловой сферы ума не играет никакой роли в том, будет или не будет совесть являться тем камертоном, по которому настраивается нравственная регуляция ума? По этому поводу мы находим следующее пояснение: «Так как совесть есть не откровенный голос, а естественный, т. е. слышимый в самой природе человека, то она, вследствие этого, находится в тесной связи со всем состоянием человеческой души, в зависимости от естественного и нравственного развития его — от образования, образа жизни, и вообще, истории». Поэтому состояние совести зависит «сколько от образования ума, столько и от усовершенствования воли»⁵⁰. А эти процессы непростые и небыстрые, требующие непрерывной работы над собой, полноценное их развитие возможно только в Церкви Христовой. И этот вывод является крайне важным для дела воспитания. Последнее означает, что смысловые структуры сознания формируются нормально, т. е. лучшим образом, если *духовно-нравственное развитие ребенка будет осуществляться не только в светском ключе, но и сочетаться с религиозной практикой*.

Итак, совесть в норме должна стоять выше ума, выше внешних добродетелей, воли; сама по себе совесть существует независимо ни от чего, но состояние совести у каждого различно и зависит от некоторых обстоятельств. В частности, от системы воспитания, которая и создает (или не создает) условия для того, чтобы совесть очищалась и хранилась, чтобы образовывался ум и совершенствовалась воля. Даже если ребенок растет в светской семье, учится в светской школе, *вся система воспитания должна оставить ему возможность, чтобы когда-нибудь он начал покаянное очищение совести в лоне Церкви, более того, создать для этого максимальные условия*.

Известно, что «...люди совершают иногда самые жестокие действия, даже страшные преступления, ссылаясь на голос своей совести. Один нередко со спокойной совестью, а может быть, и по ее требованию, совершает то, против чего совесть другого возмущается. Наконец, в одном и том же лице совесть может говорить различно в различное время. Отсюда следует, что содержание совести не у всех одинаково, равно как и то, что голос ее может быть истинным или неистинным»⁵¹. Этим утверждается, что совесть у каждого индивидуальна в том смысле, что у каждого свой эталон, свой камертон для настройки. Последнее не

⁴⁸ Цит. по: *Стефан Каишменский, прот.* Указ. соч. С. 105–106.

⁴⁹ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова... С. 341.

⁵⁰ Полный Православный богословский энциклопедический словарь... С. 2087.

⁵¹ Там же. С. 2088.

так просто понять и принять: так как совесть имеет первородную природу, то она, с одной стороны, должна быть одна для всех людей — как в раю, до грехопадения, когда вся природа человека была единой, следовательно, и совесть — была одна на всех. После грехопадения в сердце каждого остался эталон, который первоначально был одинаковым для всех. Но почти все люди (лишь за редким исключением, которое и делало их угодными Богу) потеряли возможность пользоваться этим эталоном, в результате они отступали от того, что должно. В свою очередь, каждое отступление искажало совесть, то есть эталон портился: если даже металлический камертон, попав под кувалду, исказит свое звучание, то тем более исказится и совесть, попав под грехи человеческие, так как они куда тяжелее металла. Это одна из причин, почему содержание совести не у всех одинаково — причина негативная. Поэтому люди ссылаются на голос совести и совершают различные неблагоприятные действия из-за того, что у каждого совесть исказилась «в индивидуальном порядке». Другая причина в том, что часто люди ошибаются и принимают за голос совести совсем иные голоса.

Возможна еще одна причина различия эталонов — позитивная. У искренне религиозного человека совесть постепенно очищается: *то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел* (Евр 9. 14). Это ведет его по ступеням духовного развития, преобразования образа Божия в подобие, наконец, достижения состояния святости и достоинства Царствия Небесного. Чтобы разъяснить это, необходимо иметь в виду слова свт. Иоанна Златоуста о том, что «Бог обещает ввести нас не в рай, а в самое небо, и не Царство райское возвещает, а Царство Небесное»⁵². Человек, достойный Царствия Небесного, во всей своей целостности становится неповторимым: *и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя его, которого никто не знает, кроме того, кто получает* (Откр 2. 17). Белый камень, на котором написано новое имя, — это атрибут уже не образа, но подобия Божия. Это символ единственности, внутренней неповторимости, уникальности каждой личности в Царствии Небесном, которая обретается в земной жизни. Архиепископ Аверкий поясняет эти строки: «Давать имена новым членам Царства свойственно царям и владыкам. И Царь Небесный даст всем избранным сынам Своего Царства новые имена, которые будут означать их внутренние свойства и их назначение и служение в Царстве Славы»⁵³. Значит, святой человек не райского состояния достигает, где совесть у всех одинакова, но состояния Царствия Небесного, где все в нем, в том числе и совесть, неповторимо и уникально. Таким образом, действительно, *камертон, по которому настраивается нравственная регуляция жизнедеятельности, у каждого уникальный*.

Другой сложный аспект темы совести — ее свобода. Здесь положимся на слова апостола Павла: *ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?* (1 Кор 10. 29). В них призыв поступать так, как говорит своя совесть, а не другого человека, жить не по чужой, а по своей совести, стремиться к субъективной свободе совести. Субъективная свобода совести заключается в том, что человек сво-

⁵² Цит. по: *Осипов*. Указ. соч. С. 15.

⁵³ Апокалипсис в учении древнего христианства. Толкование архиепископа Аверкия (Таушева). М., 2001. С. 74.

боден в выборе добра: «Добрая весть идет от Бога, согласие на добро — от человека». Совесть есть «субъективный отблеск объективного закона Добра и зла»⁵⁴.

Следующий важный вопрос в контексте темы совести: каково нормальное состояние совести — тогда, когда она судит, мучает человека, доставляет болезненные переживания, или когда она спокойна. Выражения типа: «Хочу жить со спокойной совестью» говорят о том, что спокойное состояние совести — это то, что предпочитал бы каждый человек, а муки совести, болящая совесть — это некое нарушение порядка, состояние, которого хотелось бы избежать. Но есть и другое понимание. Так, свт. Игнатий называл совесть не иначе как: «неумолкающий, нелицеприятный блюститель и напоминатель»⁵⁵. Следовательно, спокойной совестью быть не должна. А. А. Ухтомский предупреждал, что «...совесть, как и всякий другой показатель и отметчик реальности, с ее законами может быть более или менее надежным слугою, более или менее субъективной или объективной, более или менее здоровой или заболевшей! Она ведь может быть совершенно спокойной, удовлетворенной и ни о каких бедах не предупреждающей, в то время как человек или целое общество давно охвачены преступлением! Это тогда, когда преступление стало привычным!»⁵⁶ Вторя ему, современный автор С. А. Герасимов утверждает: «Совесть здорова, когда болит, и в этой боли не только презрение к своему греху, но и тоска по просветлению и очищению, а значит, желание исправиться»⁵⁷. И это желание исправиться изменяет модальность переживаний. Следовательно, если грех привычен, то совесть молчит, а если она молчит — то она больна. Если же она здорова, в норме — она является неумолкающим блюстителем, а человек, обладающий такой совестью, вынужден постоянно мучиться в результате ее укоров. И чем более он духовно совершенен, тем больше грехов видит он за собой, тем более сурово его судит совесть. Можно поэтому считать, что *постоянное присутствие голоса совести — это критерий нормального развития*. Об этом же пишет Н. О. Лосский: «Главный вид страдания, имеющий наиболее очевидный нравственный смысл, суть укоры совести. Но для этого страдания нужно, чтобы “пришел срок”»⁵⁸.

Итак, нормальное состояние совести — когда она работает, болит, мучит, но эти мучения полезны для человека, ибо они порождают стремление к исправлению, они светлы и оптимистичны:

Муки совести — светлые муки
За последнюю веру мою.

Е. А. Евтушенко, 1996

Такова антиномия совести. Поэтому необходимо стремиться не к спокойной совести, а к чистой, активной, здоровой.

Важно и другое замечание Н. О. Лосского о том, что нужно, чтобы для страданий совести «пришел срок».

⁵⁴ Ухтомский. Указ. соч. С. 364.

⁵⁵ Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова... С. 344.

⁵⁶ Ухтомский. Указ. соч. С. 455.

⁵⁷ Герасимов. Указ. соч. С. 91.

⁵⁸ Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 177.

Есть два «срока» в жизни человека, когда голос совести хорошо слышен. Первый — это детство, на что указывают многие авторы, пишущие о детях. Объяснить, почему это так, можно не только пользуясь духовными источниками, но и исходя из устройства «смысловой вертикали»⁵⁹: у ребенка число сформировавшихся ее смысловых уровней пока еще незначительно, поэтому сердце — первый и автономный смысловой уровень, а вместе с ним и совесть — «близки» к фокусу сознания. В православной традиции дети начинают исповедоваться только после 7 лет; очевидно, здесь играет роль знание того, что голос совести в детстве слышен хорошо, но он еще не осознается как таковой, не призывает к покаянию и не вызывает мук, он просто есть. О феномене «слышания» голоса совести знают те, кто работает с детьми. Но необходимо учитывать, что ребенок слышит и другие голоса, на него действуют самые различные факторы: семья (или ее фактическое отсутствие), система образования, СМИ, которые могут быть как созидательными, так и деструктивными. Поэтому феномен «слышания» совести без благодатной поддержки Таинствами Церкви зачастую обречен остаться без позитивного результата, иначе не существовало бы ни девиантного поведения подростков, ни искажений в развитии личности взрослых людей.

Второй срок, когда совесть получает должную возможность говорить и быть услышанной, связан с развитием взрослого человека. Это пора осознанной работы над правильным устройством себя, своего «внутреннего человека». Ее наступление не связано с паспортным возрастом. Более того, к такому устройству стремятся не только христиане, но все нормальные люди, так как стремление расти, развиваться является общечеловеческим. Поэтому голос совести может достаточно громко звучать и у неверующего человека. В православной традиции считается, что через голос совести этот неверующий человек слышит голос Бога. Нам неизвестно, был ли религиозным поэт, когда он писал о светлых муках совести, но они были в его личном опыте.

Для того чтобы объяснить, почему подобное возможно, несмотря на то что совесть «погребена» под слоем смыслов, искаженных первородным грехом и собственными отступлениями от должного, вновь используем психологическую модель «смысловой вертикали». Эту возможность обеспечивает стремление к нормальному развитию смысловой сферы, ее иерархизация, снятие низших смысловых уровней более высоким, что упрощает строение вертикали сознания⁶⁰. Тогда совесть, так же как и у ребенка, становится вновь близка к фокусу сознания. Таким образом, состояние ума, его приближение к правильному устройству, создает условия для того, чтобы голос совести стал слышен даже не религиозному, но искреннему в своих устремлениях человеку. Данный феномен отмечен в психологии Б. С. Братусем, который неоднократно писал и говорил о том, что нравственность в полном смысле этого слова становится возможна, только начиная с высокого, просоциального смыслового уровня⁶¹.

И все же достижение максимума, когда совесть получает возможность звучать «в полный голос», связано с религиозной жизнью, с причастием Христа

⁵⁹ Братусь. К проблеме человека... С. 3–19.

⁶⁰ Там же. С. 8.

⁶¹ Там же.

Живого, потому что справиться с задачей построения себя только собственными человеческими силами невозможно: «Как лезвие ножа натачивается камнем, так совесть натачивается Христом: она просвещается изучением и изоощряется исполнением Евангельских заповедей. Просвещенная и изоощренная Евангелием совесть подробно и ясно показывает человеку его согрешения — и самые малейшие»⁶². Но происходит это не вдруг, не автоматически, по крещению; процесс этот долгий и многотрудный. Важно отметить, что возможность звучания голоса совести у взрослого человека отнюдь не связана с инфантильностью, с неразвитостью смысловой сферы, с тем, что она должна быть абсолютно идентична детской. Это подобие носит лишь относительный характер, иначе взрослый будет похож на ребенка и тем, что слышимый голос не будет осознаваться, не сможет судить и призывать к покаянию.

Наконец, с феноменом совести связан феномен стыда: человеку, который не послушался голоса своей совести, пошел «поперек нее», должно быть стыдно. Являются ли понятия «совесть» и «стыд» рядоположенными, взаимозаменяемыми? Если да, то можно ли, развивая стыд, способствовать очищению совести, ведь развить стыд значительно проще, чем очистить совесть: для педагогической и религиозной практики это означает, что существует соблазн развивать у детей и прихожан стыд. Для этого не нужны таинства, а достаточно только «чтения морали», «пропесочивания», или, соответственно, оглашения грехов перед другими. Попробуем разобраться и в этой проблеме с помощью психологии смысла⁶³.

Известно, что эмоции представляют собой механизм непосредственной презентации субъекту личностного смысла отражаемых им объектов, явлений и целостных событий. По мнению Д. А. Леонтьева, очевидная связь смысловых и эмоциональных явлений привела к ошибке: они часто смешиваются, что нашло отражение в распространенном выражении «эмоционально-смысловой», обе части которого мыслятся как синонимы. Но разводить их необходимо уже хотя бы потому, что смысл — это стимул, а эмоция — реакция. Эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного смысла на осознаваемом уровне, содержательно не отображая его, но привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие.

Совесть — это смысл, смысловая структура; значит, это стимул. Стыд — это эмоциональная реакция, эмоциональное состояние, которое возникло в результате того, что человек поступил вразрез с совестью, т. е. презрел смысл. На этом основании совесть и стыд необходимо разводить и в теоретическом, и в практическом аспектах. Так, представления о том, что в раю люди не имели стыда, отнюдь не означают, что у них не было совести (мы уже говорили о совести как идеальной модели должного, которая была дана человеку в раю до грехопадения). Но это означает, что до первородного греха не было еще самого греха, а значит не было связки: смысл (стимул) — эмоции (реакция). Или конкретнее: совесть (должное) — стыд как эмоциональная реакция на нарушение должного. Стыда не было потому, что не было еще нарушения. Как только грех появился, появилась и реакция на отступление от модели должного в виде стыда.

⁶² Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова... С. 342.

⁶³ См.: *Леонтьев*. Указ. соч. С. 160–165.

В свете вышеизложенного правильным будет развивать не стыд, а совесть (то есть очищать ее, хранить, совершенствовать). В норме стыд будет всегда появляться как естественная реакция на грех сообразно состоянию совести, и такая реакция будет удерживать человека от дальнейшего греха (опять же сообразно состоянию совести). Но искусственно «раздувать» стыд духовно несовершенно человека — значит делать его более эмоциональным, активировать его психологические защиты, следовательно — более подверженным страсти. Об этом прямо говорится в пособии по христианской антропологии протоиерея Стефана Кашменского: «Однако же намеренно, но не благоразумно возбужденный стыд сменяется иногда бесстыдством»⁶⁴. Это утверждение подтверждаем высказываниями свт. Иоанна Златоуста: «Немощным и слабым духом, сильно преданным удовольствиям мира и сверх того имеющим повод много мечтать о происхождении и могуществе своем... если кто вдруг предложит горькое исправительное лекарство, лишит их и малейшего исправления. Душа, если хотя однажды будет приведена в стыд, впадет в нечувствительность и после того уже не смягчается и ласковостью, не потрясается угрозами, не преклоняется и благодеяниями, но становится гораздо бесстыднее того града, в порицание которого Пророк сказал: “Лице жены блудницы бысть тебе, безстыдствовала ко всем” (Иер 3. 3). Посему пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, дабы отсюда усматривать состояние души. Ибо как многие приходят в ожесточенность и отчаяние своего спасения потому, что не могут переносить жестокого врачевания; так, напротив, есть и такие, кои не быв достойно наказаны за грехи, приходят в небрежение, становятся развращеннее и грешат с большею смелостью». Или: «Обличения, высказываемые перед всеми, часто делают обличаемых более бесстыдными, и многие из грешников если видят, что им можно быть незаметными, легко решаются исправиться, а если они уже у многих потеряли хорошее мнение, то иные из них впадают в отчаяние и предаются бесстыдству... ибо оглашение грехов вызывает согрешившего на бесстыдство»⁶⁵.

Несколько по-иному показывает нежелательность, осторожность в «оглашении грехов» В. В. Зеньковский. Он пишет о том, что необходимо различать стыд индивидуальный и социальный. Социальный стыд — стыд, который испытывает ребенок при «оглашении грехов», — приучает ребенка считаться с внешней стороной своих поступков. Социальный стыд скорее и проще дает эффект внешнего воспитания, его формирование не требует каких-либо особых усилий со стороны взрослых, но только индивидуальный стыд имеет значение для развития личности. Более того, преимущественное развитие социального стыда задерживает развитие индивидуального, имеет деструктивные последствия для развития ребенка, так как формирует чрезвычайную чувствительность к чужому мнению, стремление к лицемерию: «Если нас глубоко и болезненно уязвит в переживании социального стыда чужое презрение, пренебрежение, недоверие, осуждение, то все это может иметь благотворное влияние на наше моральное

⁶⁴ Стефан Кашменский, *прот.* Указ. соч. С. 168.

⁶⁵ Цит. по: Там же. С. 168–169.

развитие только в том случае, если нам внутренне станет стыдно самих себя, если социальный стыд перейдет в индивидуальный»⁶⁶.

Для перевода в психологию категории «совесть» мы предлагаем воспользоваться выводами, сделанными в данном тексте:

- совесть — это смысловая структура сознания, идеальная смысловая модель должного, полученная человеком от Бога; ее главная функция — различать добро и зло, то есть осуществлять нравственную регуляцию жизнедеятельности;
- совесть наследуется всеми людьми, уничтожить идеальную модель должного невозможно;
- совесть как смысловая структура принадлежит исторически первому и главному смысловому органу — сердцу, которое в райский период жизни человека было центром всей внутренней жизни;
- после грехопадения сердце потеряло свое центральное, главенствующее положение, более того, оказалось разъединенным с другими частями сознания; нравственная регуляция стала осуществляться не совестью, а органом, известным в христианской антропологии как ум, а в психологии — как смысловая сфера сознания, что катастрофически снизило качество регулирования;
- у современного человека идеальная смысловая модель должного может служить эталоном, по которому как бы «настраиваются» все структуры смысловой сферы — ума;
- качество совести современного человека индивидуально (т. е. эталоны для настройки нравственной регуляции у всех различны); возможны разнополярные отклонения относительно первоначальной модели должного;
- личное отступление от должного снижает качество смыслового эталона-совести; духовное совершенствование увеличивает его качество;
- состояние смысловой сферы-ума и воли имеют значение для состояния совести, так как именно они создают необходимые условия для положительных духовных изменений;
- эти условия: очищение сердца (сердечного смыслового уровня) от негативных смыслов, связанных с грехопадением и собственным отступлением от должного; перестройка смысловых структур смысловой сферы сознания, в частности снятие низших смысловых уровней высшим, с тем чтобы сердце заняло в иерархии смысловых уровней главенствующее положение и вновь стало центром внутренней жизни человека;
- положительные изменения структуры смысловой сферы в полной мере невозможны без религиозной практики;
- постоянное присутствие голоса совести — критерий нормального развития человека;
- система воспитания должна быть ориентирована на то, чтобы смысловые структуры сознания ребенка формировались лучшим образом, для этого духовно-нравственное развитие ребенка должно осуществляться не только в светском ключе, но и сочетаться с религиозной практикой, что максимально облегчит возможность слышать голос совести;

---

⁶⁶ Зеньковский В. В. Психология детства. М., 1996. С. 144.

- даже если ребенок растет в светской семье, учится в светской школе, вся система воспитания должна оставить ему возможность, чтобы когда-нибудь он начал покаянное очищение совести в лоне Церкви, более того, создать для этого максимальные условия;
- необходимо различать совесть и стыд; совесть — это стимул, стыд — эмоциональная реакция; нельзя искусственно увеличивать эмоциональную реакцию: это активизирует действие психологических защит или развивает страсти, делает человека еще более «бессовестным».

Ключевые слова: совесть, смысл, смысловая структура, идеальная смысловая модель должного.

THE CATEGORY «CONSCIENCE» IN THE CHRISTIAN ORTHODOX FOCUSED PSYCHOLOGY

M. MIRONOVA

In stsiyentistsky psychology which is the powerful constituting force of modern society, in general there is no such category as «conscience». But many authors raise a question of opportunity and need of return to it of this basic moral category. For transfer to psychology of that knowledge of conscience which contain in Christian anthropology, we suggest to use the conclusions drawn as a result of the analysis of Christian sources and the model built by the author on pages of the book «To rapprochement of psychology and Christian anthropology: the treatise about the clever power of soul and a dominant», 2013.

Keywords: conscience, sense, semantic structure, ideal semantic model of the due.

Список литературы

1. *Андрей Лоргус, свящ.* Православная антропология. М., 2003.
2. Апокалипсис в учении древнего христианства. Толкование архиепископа Аверкия (Таушева). М., 2001.
3. *Братусь Б. С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
4. *Братусь Б. С.* Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом. М., 1997.
5. *Братусь Б. С.* Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
6. *Герасимов С. А.* Совесть как феномен духа // МПЖ. 2007. № 3. С. 89–104.
7. *Евтушенко Е. А.* Муки совести. Ростов-на-Дону, 1996.
8. *Епифанович С. Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996.
9. *Зенько Ю. М.* Основы христианской антропологии и психологии. СПб., 2007.

10. *Зеньковский В. В.* Психология детства. М., 1996.
11. *Иерофей (Влахос), митр.* Православная психотерапия. М., 2004.
12. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. М., 2003.
13. *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991.
14. *Лосский Н. О.* Бог и мировое зло. М., 1994.
15. *Миронова М. Н.* К сближению психологии и христианской антропологии: трактат об умной силе души и доминанте. Калуга, 2013.
16. *Осипов А. И.* Православное понимание смысла жизни. Киев, 2001.
17. Полное собрание сочинений святителя Игнатия Брянчанинова. М., 2001. Т. 1.
18. Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное издание. М., 1992. Т. 2.
19. *Прп. авва Дорофей.* Душеполезные поучения. М., 2007.
20. *Прп. Иоанн Дамаскин.* Полное изложение православной веры. М., 2007.
21. *Прп. Макарий Египетский.* Духовные беседы, послания и слова. М., 1998.
22. *Св. Григорий Синаит.* Добротолюбие. Т. 5. М., 1992.
23. *Свт. Феофан Затворник.* Собрание писем. Вып. V. М., 1994.
24. *Свт. Феофан Затворник.* Толкование первых восьми глав послания св. апостола Павла к Римлянам. М., 1890.
25. *Сержантов П. Б.* Исихастская антропология. М., 2010.
26. *Стефан Кашменский, прот.* Святоотеческое учение о душе. Ротопринтное издание. Пермь, 2002.
27. *Ухтомский А. А.* Интуиция совести. СПб., 1996.
28. *Франк С. Л.* Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 68–131.